

ТРАГИКОМЕДИЯ ГАМЛЕТА НАШИХ ДНЕЙ

Юлия КОВАЛЕНКО, театровед

В театре им. Т. Шевченко на малой сцене «Березиль» состоялась премьера спектакля «Танго» Славомира Мрожека в постановке заслуженного деятеля искусств Украины Степана Пасечника.

В пьесе польского авангардиста прошлого века (ушедшего, кстати, совсем недавно, в 2013-м) не счесть осознанных, думаю, парафразов на трагедию Шекспира. Возвращаясь домой, студент университета Артур застаёт в этом новом Эльсиноре абсурдность и низложение риз и восстает против предков: отца — артиста Стомила, который, проповедуя вольные нравы, «заигрался и переиграл» с экспериментом в искусстве, превратился в расхристанного демагога, который для пу-

В художественном свете спектакля (заслуженный работник культуры Украины Владимир Минаков) по-своему играет магия многозначительных вещей. Белые двери и магнетизирующие блеском золотые ручки на них... Тусклый взгляд маски, надетой на круглый бок плетеной бутылки... Предметы множат смыслы: винтажная столешница для игры в карты превращается в кровать, а потом — в сервированный свадебный стол; зеркало не просто отражает Элеонору и Алю, а отзеркаливает повтор судьбы одной женщины в другой.

Роскошно театральной, при этом выдержанной именно в жанре трагикомедии предстает сцена спектакля, где Артур крушит, выбрасывает из гостиной все вещи, которые давно отработали свое (как понятен вопль Артура: «Не предлагайте мне новую жизнь, я не знаю, что мне делать со старой!»). Элеонора не помнит года рождения своего сына, но при этом до сих пор не убрала из комнаты его детскую коляску. Бабушка же в пространстве между своим белым венчальным платьем и «многоуважаемым катафалком» опускается до игры в карточки с вульгарным люмпеном Эдзиком и позволяет ему лапать себя при всех. «Вечный революционер» от искусства Стомил (Валерий

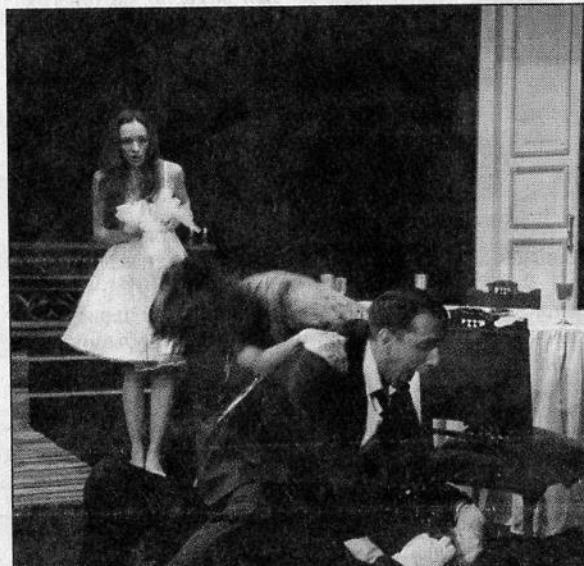

годня грозит всему миру. Эдзик — низшая реинкарнация Соленого, Лопахина и Клавдия — холуй, претендующий на узурпацию власти. Жиров играет роль точно и скупко, иногда позволяя себе реплику, которая мгновенно вызывает отклик зала, иногда с гитарой в руках рокошует напевая блажной романс Высоцкого «Я однажды гулял по столице». И только момент финального торжества чуть-чуть тронет его губы улыбкой, да стальной блеск глаз даст знать об утверждении хама.

и дядей. Лучше жить униженным, но в привычном комфорте.

История учит, что она повторяется дважды. Не разрядившийся пистолет фарсера-отца «выстреливает» в финале «Танго», когда жертвоприношение совершает сам Артур. По сути он заказывает свое убийство Эдзику, понимая, что только высокая трагедия очистит эту семью от разъедающей ее скверны. И вот уже, меняя капризные модуляции «роли» псевдомолодухи на шепот прозрения-откровения повторяет бабушка

Евгения (народная артистка Украины Агнесса Дзвонарчук) одну и ту же фразу: «Какая смертельная тоска...» — и уходит из жизни, радуясь и решительно задерживая черный палантин катафалка! А затем с какой-то

и позволяет ему лапать себя при всех. «Вечный революционер» от искусства Стомил (Валерий Брилев) просто на катафалке при помощи громового голосового наигрыша, свадебных кукол на нитках и дешевых спецэффектов разыгрывает представление о новых Адаме, Еве и Змие. Какое будущее может ждать Алю и Артура, если куклы вуду уже отрепетировали

их судьбу на сцене-катафалке?

В пьесе Мрожек оценивает всех своих героев саркастично. А вот в спектакле тандем матери и невестки обретает характер трагического отражения комического стовора Евгения и его племянника Артура. Татьяна Петровская и Екатерина Матвеевко раскрывают тему преемственности судеб современной Гертруды-Элеоноры и нынешней Офелии-Али. Вчера Элеонора, а сегодня Аля является к венчанию в помятом свадебном платье, с досадой принимая от Эдзика сквозь створку двери свою туфлю. Совершив акцию бабьего протеста против бездейственного идеализма Артура, героиня Е. Матвеевко выносит из этого опыта разочарование на всю жизнь. И ясно, что Аля никогда не была так близка к пониманию идеалиста Артура, как теперь. Жаль, поздно.

щей оригинальности рядится в парик хиппая-рокера; ветреной матери Элеоноры, вся сущность которой — в шпильках потертого вида туфель и в мундштуке у рта; бабушки Евгении, в образе которой причудливо сочетаются черты молодящейся «фемины» (кроссовки) и бандуриши (платье с оборками, перчатки-митенки); а также против своей «земной» невесты Али, полспектакля в ночной рубашке соблазняющей все равно кого, только бы мужчину; и наконец — дяди Евгения — пережитка старых времен (цилиндр и шорты с гетрами на подтяжках подчеркивают его архаичность).

Зная Пасечника как режиссера с ярким образным видением материала, отмечу, что в центре «Танго» не режиссерская символика, а самодостаточный актер. Освобождение от маскарада жизни, разгримировывание — вот что происходит постепенно со всеми героями «Танго». В этой по сути насквозь театральной пьесе даже центральный монолог героя Артура (Евгений Моргун) — о Мире детей, женщин и артистов и противостоящем ему Мире мужчин. «Мужчины не любят актеров за то, что они не мужчины. Мужчина веками старался навязать женщинам, детям и артистам единство, категоричность, последовательность». Вот Артур и призывает к толерантности, к сохранению биополярности мира и к утверждению современных норм морали. Артур предлагает создать жизнь сызнава, чтобы самому войти в нее набело. В Моргуне (Артуре) убеждают и присущая ему внутренняя интеллигентность, тонкость, и способность существовать в особой нервно-пульсирующей партитуре роли и даже разгоняться в головокружительном ритме монолога.

Эдзик в исполнении Романа Жирова — негромкий шедевр, точный, как у патологоанатома, диагноз общественному явлению — как тому, которое «из банной мокроты завелось» в 1917 году, так и тому, которое се-

Великолепно решена С. Пасечником и художником (заслуженный деятель искусств Украины Татьяна Медведь) сцена, когда Артур

добивается от отца решительности перейти от разговоров о сексуальной свободе — к делу, то есть расправиться с подлецом, который спит с хозяйкой дома. Когда на нетвердых ногах, все еще норовя выйти из навязанной ему роли мстителя, Стомил наконец уже весь — и даже «замешкавшиеся» прищемленные дверью пальцы и остроумно-нерешительные ступни! — скроется за дверью спальни, Артур вместе со зрителями будет ожидать звуков борьбы и выстрелов. Но тщетно. И тогда Артур не просто распахнет двери (глазам зрителей открывается встроенное

измерение под уютным абажуром) — он прольет яркий свет на парадоксальность человеческой психологии: только что такой неистовый ревнивец, отец смиренхонько себе играет в преферанс с семейными дамами полусвета

смертельной тоска...» — и уходит из жизни, радуясь и решительно задерживая черный палантин катафалка! А затем с какой-то даже тенью восхищения крепостью соперника неандерталец нашего века Эдзик убивает Артура. Чтобы после заявить: «А голова у него отлично варила... Теперь я отсюда не уйду, а вы будете мне служить». Послание театра ясно: как только дашь сломить свои принципы, тебя поработят. С. Пасечник подчеркивает, что для него смерть героя Артура — не трагична. Напротив, он комичен со своими утопиями, заведшими его так далеко от человеческого счастья. А трагичен в это самое время процесс совершения ошибок, приводящих к катастрофе в обществе.

В финале малейшая попытка бунта против Эдзика тут же блокируется «красной кнопкой»: «Вы знаете силу моего удара».

И вот уже аристократический дядя Евгений (народный артист Украины Владимир Маляр) идет не просто снимать, но еще и угодливо чистить сапоги хаму: «Покоряюсь силе, но в душе презираю».

На предпоказе «Танго» в порыве своего Евгения услужить новому хозяину жизни В. Маляр символично попал начиненной штиблетой в петлю валяющейся на сцене марионетки — и следом за дядей волочился «труп» племянника — кукла трагикомического идеалиста «адама», чья «ева» оказалась просто «курвой». Таким образом Артур и после смерти напомнил семье о принципах, за которые положил жизнь. И вспомнилось евангельское: «Не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься от меня»... Финальная ирония авторов, как и ирония жизни, — в том, что именно дядя Евгений, так приветствовавший «очистительные» реформы общества, этот осколок блестящего рода, — позволяет вести себя в танго торжествующему люмпену. А с авансцены в этот момент звучат «две правды»: убийственная в своей слепоте фраза матери (Петровской): «Как знать, может быть, теперь мы заживем лучше?» (в подтексте — без принципов, при хаме-то); и фраза прозревающего наконец отца (Брилева): «Зачем мы демонизировали эту силу, все позволили ей с собой делать, ведь перед нами был всего лишь Эдзик»...